

Марина Федагина

***Некого
ждать***

Анна

Марина Федагина

Некого ждать

«Автор»

2026

Федагина М. А.

Некого ждать / М. А. Федагина — «Автор», 2026 — (Анна)

Она пришла в храм с отрицательным тестом. Ушла — с серебряным Крестом внутри. Между ними — трещина в стене, письмо и мужчина в чёрной ризе, который знал её боль лучше, чем она сама. «Ждать некого» — не история любви к священнику. Это история о том, как иногда Бог приходит к нам через чужие глаза. Первая книга трилогии „Анна“

© Федагина М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Одна полоска.	5
Глава 2. Монастырь	7
Глава 3. Выдох	9
Глава 4. Между	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Марина Федагина

Некого ждать

Глава 1. Одна полоска.

Анна сжимала в ладони белый пластик, и весь мир будто съёживался до размеров этой проклятой линии — тонкой, розовой, окончательной. Тридцать пять лет. Три года, уместившиеся в череду одинаковых дней, где каждый начинался с надежды и заканчивался разочарованием. Три года уколов, анализов, ночей, когда под подушкой лежал не роман, а календарь овуляции, испещрённый пометками. И каждый раз — одна полоска.

Максим сидел напротив, привычно листая «Ведомости», и время от времени отхлёбывал кофе из любимой чашки с чуть сколотым краем, которую он почему-то не хотел менять. Для него это была не просто чашка, а деталь устоявшегося порядка, где всё шло по плану: работа, дом, телевизор.

— Ну что? — спросил он, не отрываясь от статьи, будто заранее знал ответ.

Анна молча бросила тест на стол. Пластик подпрыгнул, звонко стукнулся о краешек сахарницы. Максим поднял глаза, скользнул взглядом по тесту, задержался на нём ровно на секунду и снова вернулся к газете.

— Опять так. Ну, бывает, — спокойно произнёс он. — Врач же говорил, что процесс долгий.

«Процесс», — подумала Анна, и слово обожгло, как угли костра. Процесс. Как ремонт в квартире, который затягивается на месяцы. Как оформление прописки, где нужно собрать сто бумажек и обойти десять кабинетов. Не жизнь. Не боль. Не та пустота внутри, которая с каждым месяцем становилась не то чтобы больше, а глубже, словно в груди разрасталась чёрная дыра, поглощающая любые чувства.

Она всегда представляла, что всё будет иначе. В девятнадцать лет, сидя на подоконнике в старой квартире с видом на парк, она держала в руках любовный роман и верила: однажды придёт мужчина — не обязательно красивый, не с обложки журнала, а крепкий и надёжный, способный выдержать любую бурю. Он возьмёт её руку и тихо скажет: «Я справлюсь». И тогда она наконец сможет опустить плечи, которые с детства тянули на себе всё: мамину усталость, отцовское молчание, собственные страхи, слишком тяжёлые для юной девушки.

Но Максим не был тем мужчиной. Он был хорошим мужем — верным, надёжным, тем, кто всегда приносил зарплату вовремя и не пил. Когда она плакала после очередного визита к гинекологу, он говорил: «Не накручивай себя». Когда просила просто обнять и посидеть в тишине, чтобы не ощущать эту пустоту внутри, он включал телевизор. Он не брал её проблемы на свои плечи. Он их не замечал, словно они были прозрачными, невидимыми, несуществующими.

— Завтра к Семёновне, — сказал он, складывая газету с таким видом, будто обсуждал поход в магазин за хлебом. — Мне посоветовали на работе. Я уже договорился.

— К какой Семёновне? — голос Анны прозвучал глухо, будто доносился откуда-то изда-лека.

— К знахарке. На Васильевском. Говорят, помогает, когда медицина бессильна.

Анна фыркнула, и посмотрела на него с недоверием.

— Ты веришь в знахарок?

— Не верю. Но попробовать можно. Чего терять?

«Всё», — хотела сказать она. Терять есть что: достоинство, последнюю надежду, саму себя. Но промолчала. Потому что знала: спорить бесполезно. Максим уже принял решение, не

посоветовавшись и не спросив её. Это была его форма заботы: не слушать, не чувствовать, а действовать. И каждый раз эта глухая, слепая решимость разъедала её изнутри, капля за каплей растворяя остатки веры в то, что её боль кому-то по-настоящему важна.

Семёновна оказалась пожилой женщиной с грубыми, натруженными руками, пахнущими травами и землёй. В её маленькой комнате висели пучки сушёной мяты, полыни и зверобоя. На полках дубового шкафа стояли старинные иконы и книги. Она пощупала пульс Анны, долго смотрела куда-то сквозь неё, словно считывала не частоту ударов сердца, а историю всей её жизни, и наконец покачала головой, вынеся свой вердикт:

— Матка помнит, но не принимает. Надо душу лечить, а не тело.

Анна онемела. «Матка помнит». Да, помнит. Помнит тот тихий выкидыш два года назад — без криков, без боли, почти без крови, словно ребёнок сам решил, что здесь ему не место, и тихо ушёл, не попрощавшись. Помнит пятна на белом белье и собственное странное, пугающее спокойствие: «Ну вот. Так и должно было быть». Как будто она заранее смирилась с тем, что счастье не для неё.

— Куда ехать душу лечить? — спросил Максим деловито, уже доставая блокнот, чтобы записать адрес.

Старуха посмотрела на Анну долгим, пронзительным взглядом — будто видела не женщину тридцати пяти лет с зелёными глазами и тёмными волосами до плеч, а маленькую девочку, которая всю жизнь сидела на подоконнике и ждала, что кто-то придёт и скажет: «Я справлюсь. Теперь ты можешь не бояться».

— В Новодевичий, — сказала она. — К сёстрам. Там тишина. А это лучшее лекарство для раны, которую не видно.

Максим кивнул, записал адрес, аккуратно сложил блокнот. Анна молчала. Она никогда бы сама не пошла в монастырь. Не из неприязни к вере, не из гордыни, а просто потому, что не верила, что стены, пусть даже древние и святые, способны спасти то, что давно разбилось внутри.

***

Такси ехало тихо, только изредка шуршали шины по мокрому асфальту да бормотал что-то водитель, будто пытался заполнить эту неловкую тишину. За окном мелькали яркая реклама «Билайна», редкие «Мерседесы» новых русских, сверкающие в свете фонарей. Анна смотрела на город, который строился заново, а она ... Она разваливалась.

Ворота монастыря были простыми, почти неприметными. За ними царил тишина — густая, плотная, осязаемая, в ней можно было утонуть, как в тёмном озере. Максим остался у входа: «Подожду». Анна сделала шаг. Потом ещё один. И вошла в эту тишину.

Хрупкая зеленоглазая женщина весом в пятьдесят килограммов и с бурей внутри, готовой в любой момент вырваться наружу. Она не знала тогда, что этот шаг станет первым в пути, который изменит всё. Что за стенами обители её ждёт не утешение, а вызов. Не покой, а война — с собой, с прошлым, с мечтой о том, кто так и не придёт.

Но это будет потом.

А сейчас вокруг была только тишина. И одна розовая полоска, которая осталась лежать в мусорном ведре на кухне, среди смятых салфеток и пустых упаковок от лекарств, словно ненужный, забытый символ несбывшегося.

Глава 2. Монастырь

Она ушла из монастыря так же тихо, как вошла.

Максим ждал у чёрных ворот с облупившейся краской, курил, глядя в сторону Новодевичьего пруда. Анна вышла – худая, глаза опущены, плечи сведены. Ни слова. Он не спросил. Просто вызвал такси, и они поехали домой. За окном мелькали московские пятиэтажки, реклама «Мегафона», люди с пакетами из «Пятерочки». Город жил своей жизнью. Анна – нет.

Дома она разделась, легла в кровать и почти не вставала три дня. Потом – неделю молчала.

Зима 2000-го вцепилась в неё холодными пальцами и не отпускала. Декабрь, январь, февраль – серые дни, сливающиеся в одно мутное пятно. Она ходила на работу (лаборант в НИИ), варила обеды, улыбалась Максиму – механически, как кукла с заводной пружиной. Но внутри всё замерло. Тот день в монастыре не принёс ни утешения, ни ответов – только ощущение чуждости: *это не моё, это не для меня, я здесь лишняя.*

К марту она перестала ставить тесты. Просто перестала. Не потому, что смирилась – потому что не было сил надеяться.

Апрель принёс первое письмо от тёти Лиды из Зеленодольска: *«Приезжай, отдохни. Воздух другой. Весна ранняя»*. Анна не хотела ехать. Но Максим настоял: *«Полезешь в нору – не вылезешь. Поезжай»*.

И она поехала.

Зеленодольск встретил её запахом талой воды и вязкой грязью на просёлочных дорогах. Тётя Лида жила в маленьком домике у Камы – старая, но крепкая, с руками в мозолях и глазами, которые всё видят.

– Ты похудела, – сказала она, обнимая Анну на пороге. – Горюешь?

Анна промолчала. Но на третий день, когда они пили чай на веранде, а над рекой стелился розовый закат, она вдруг рассказала всё: тесты, выкидыш, мужа, который не понимает, монастырь, из которого она сбежала.

Тётя Лида слушала молча. Потом встала, достала из шкафчика иконку в потрёпанном окладе – Богородица с тёмным ликом.

– Завтра поедем в Раифу, – сказала она просто. – Там озеро святое. И вода лечит не тело – душу.

– Я не верю в это, – возразила Анна.

– Не надо верить. Просто посмотри.

Раифский монастырь встретил её тишиной другой породы.

Не петербургской, не московской – не городской вообще. Тишиной леса: сосны, берёзы, запах хвои и влажной земли. Монастырь стоял на берегу озера – белокаменный, скромный, без пафоса. Людей немного: паломники, монахи в чёрных рясах, шагающие по тропинкам с опущенными глазами.

Анна шла за тётей Лидой, держа дистанцию. Внутри храма – прохладно, пахнет ладаном и старым деревом. Она не перекрестилась. Просто стояла у стены, наблюдая. Люди молились, целовали икону Грузинской Божией Матери, брали воду из источника. Анна чувствовала себя туристкой. Чужой.

Они обошли храм, поставили свечи – тётя Лида за здоровье, Анна – просто так, чтобы не выделяться. Собирались уходить, когда из алтаря вышла процессия.

Священник нес Крест. За ним – люди с зажжёнными свечами. Пели «Христос Воскресе» – тихо, почти шёпотом, но голоса сливались в плотную волну звука. Анна хотела отойти к выходу – и в этот момент батюшка поднял кропило.

Вода блеснула в солнечном луче, пронзившем купол. Несколько капель упали ей на лоб – холодные, живые.

И тогда что-то рвануло.

Не в голове. Не в душе. В самой груди – там, где три года сидела пустота. Что-то вырвалось с корнем, больно, как рана, которую вдруг разорвали вширь, и потянулось вперёд – за Крестом.

Она не видела людей. Не слышала пения. Видела только Крест – чёрный, деревянный, неумолимый. И ноги понесли её за ним. Шаг. Ещё шаг.

Когда процессия вышла за ограду монастыря – к озеру – Анна отстала на полметра. И в груди вспыхнула режущая боль, будто невидимая нить, привязанная к сердцу, натянулась до предела. Она всхлипнула, бросилась вперёд – боль отпустила. Стала терпимой. Тёплой.

Так она шла весь Крестный ход. По тропинке между сосен, к берегу озера. Солнце пригревало затылок. Люди пели. Кто-то плакал. Кто-то улыбался.

Анна молчала. Шла. Держала дистанцию – ни ближе, ни дальше метра от того Креста.

И впервые за три года не думала о тестах. Не ждала, что кто-то придёт и заберёт её боль. Боль сама вышла из неё. И повела за собой.

Когда шествие вернулось к храму, она остановилась у каменной ограды, задыхаясь. Тётя Лида нашла её через десять минут – с закрытыми глазами, с мокрыми щеками, с лицом, на котором не было ни горя, ни радости. Было – опустошение.

– День Отдания Пасхи, – сказала тётя Лида тихо, касаясь её плеча. – День, когда праздник отдают небу.

Анна кивнула. Не поняла. Но запомнила.

Этот день она запомнила на всю жизнь. Не как день веры – она так и не стала верующей. Не как день чуда – чудес не бывает. А как день, когда что-то внутри неё, годами спрессованное в комок молчания, вдруг вырвалось наружу и показало: *ты ждала не того. Ты ждала, что кто-то возьмёт твою боль. А боль нужно не отдавать – её нужно пройти. Самой.*

В машине по дороге домой она молчала. Смотрела в окно на мелькающие сосны, на озеро вдали, на небо – чистое, без туч.

И впервые за долгое время подумала не «зачем я здесь», а «что дальше».

Глава 3. Выдох

Петербург встретил её дождём.

Серым, мелким, таким, что различить его с туманом было невозможно. Анна вышла из аэропорта Пулково, втянула в лёгкие влажный воздух – и поняла: что-то изменилось. Не в городе. В ней. Как будто в груди, там, где три года жила пустота, теперь лежал не камень, а что-то живое. Тёплое. Не радость – нет. Но и не боль.

Дни потекли привычно. Утром лаборатория – метро – вечером подработка в аптеке (временно, пока не нашла что-то постоянное) – ужин с Максимом перед телевизором. Но по утрам она стала задерживаться у окна дольше обычного. Смотреть на Неву. И думать ни о чём.

На работе – в тесной аптеке – коллега Лена, пожилая фармацевт с добрыми глазами и крепкими руками, как-то спросила:

– Ты в храм ходишь?

Анна пожала плечами.

– Была разок. В Москве. Не моё.

Лена помолчала, перекладывая упаковки.

– А исповедь пробовала? Причастие?

– Нет.

– Это не про веру, – сказала Лена неожиданно тихо. – Это про то, чтобы выдохнуть. Всё, что внутри держишь – выдохнуть кому-то, кто не осудит. А потом... принять. Не прощение – а тишину.

Анна не ответила. Но слова зацепились. *Выдохнуть*. Да. Она три года не выдыхала.

Две недели она уговаривала себя.

Каждое утро – «сегодня пойду». Каждый вечер – «завтра». Страх был не перед Богом – его она не чувствовала. Страх был перед собой: а вдруг там, внутри, ничего нет? А вдруг пустота окажется пустотой – без дна, без краёв?

Максим молчал. Не спрашивал. Но в субботу утром, когда она в десятый раз сказала «надо бы сходить», он встал, надел пальто и сказал:

– Поехали.

– Куда?

– В храм. Ты же хочешь.

Она хотела возразить – *я не готова, ты не готов, это глупо* – но слова застряли в горле. Максим уже открывал дверь.

Храм Александра Невского встретил прохладой и запахом воска. Небольшой, приходской, без туристической суеты – только старушки с сумками, пара молодых людей у свечного ящика, монах в чёрной рясе у дверей алтаря.

Анна стояла у стены, сжимая в руке свечку. Сердце колотилось так, будто она на экзамене. Или на краю пропасти.

– Я пойду первым, – сказал Максим неожиданно твёрдо.

Она кивнула. Не веря.

Он подошёл к аналою у алтаря. Там стоял иеромонах – невысокий, стройный, в чёрной рясе. На голове – клобук, но из-под него выбивались волнистые пряди светлых волос. Он слушал Максима, опустив глаза. Потом поднял голову – и Анна увидела его лицо.

Голубые глаза. Не детские, не небесные – глубокие, как весенний лёд на озере: прозрачные, но холодные. Он что-то сказал Максиму – коротко, без улыбки. Тот кивнул, перекрестился и отошёл.

Теперь очередь была за ней.

Анна подошла. Опустила глаза. Руки дрожали.

– Говорите, – сказал батюшка.

Голос сильный, бархатный, с лёгкой хрипотцой – как будто пел всю ночь. Неожиданно для такого молчаливого человека.

Она открыла рот. И ничего не вышло. Потом – обрывки. Тесты. Выкидыш. Муж, который не понимает. Злость. Стыд. Одиночество.

Он слушал. Молчал. Иногда кивал – едва заметно. Смотрел сквозь неё – не осуждающе, а как будто видел то, чего она сама не видела.

Когда она замолчала, задохнувшись, он сказал всего три слова:

– Прости себя первой.

Прочитал над ней молитву и благословил.

Она ушла от аналая, не помня лица батюшки, не помня его слов. Помнила только облегчение – физическое, как после долгой болезни. Как будто сняли гипс с переломленной руки: больно, но можно дышать.

Причастие было на следующее утро.

Она стояла в очереди— тихо, без мыслей. Приняла Тело и Кровь. Вернулась на место. Сидела. Смотрела на иконы. Ничего не чувствовала. Ни трепета, ни слёз, ни озарения.

Но когда вышла из храма – солнце, редкое для апреля, пригрело лицо. И она впервые за три года не подумала: *зачем я это сделала?*

Просто пошла домой. Лёгкая.

Глава 4. Между

Пришла Елена – та самая, с кем сидели за партой в школе, а потом в институте, кто звонила раз в год и говорила: «Как жизнь?» – и не дослушивала ответ. Но в тот вечер она вошла с потёртым рюкзаком за плечом и сказала:

– Завтра еду в Дивеево. К источнику Серафима Саровского. Поедешь со мной?

Анна хотела отказаться. Устала. Не верила в святую воду. Но что-то в глазах Елены – не религиозный огонь, а просто живой интерес – зацепило.

– А что там делать-то?

– Купаться. Говорят, помогает.

– От чего?

Елена пожала плечами:

– От всего.

Автобус тронулся в десять вечера от Московского вокзала. «Икарус» с потёртыми сиденьями, запахом бензина. Анна сидела у окна, Елена – рядом, болтала не умолкая. За спиной – старушки с иконками, мужчина и пара молодых людей.

Кто-то включил магнитофон. Запел хор имени Сергия Радонежского. Кто-то рассказывал про канавку Серафима – как старец велел прокопать вокруг монастыря, чтобы Богородица ходила по ней и защищала сёстёр. Кто-то показывал на экране ноутбука (редкость в 2000-м!) фильм про мощи – бледные руки в облачении, толпы у раки.

Анна слушала рассеянно. Смотрела в окно на мелькающие огни. Петербург уходил назад, как ненужная оболочка. Она не молилась. Не ждала чуда. Просто ехала – куда глаза глядят.

Рассвет застал их на подъезде к Арзамасу. Небо – розовое, как внутренность раковины. Поля покрыты росой. Воздух за окном – свежий, с запахом прелой травы и чего-то нового, весеннего.

Источник встретил тишиной.

Не молчанием Раифы – лесным и глубоким. А тишиной воды: журчание, плеск, шорох ветра над купелью. Деревянные раздевалки, очередь из женщин в платках, пар над водой в утренней прохладе.

– Трижды надо, – сказала Елена, раздеваясь до белья. – С головой. И желание загадать.

– Какое желание?

– Любое. Главное – верить.

Анна усмехнулась. *Верить*. Она три года верила в тесты – и куда это её привело?

Но переделась в белую сорочку – ту самую, которую купила в лавке у входа, не зная зачем. Подошла к краю купели – деревянной, обшитой тёсаными досками, с пологой лестницей вниз. Вода – чёрная, непроницаемая. От неё тянуло холодом.

Первая ступень. Вторая. Третья – вода по колено. Четвёртая – по пояс. Сердце колотилось. *Зачем я это делаю?*

Оглянулась. Елена уже нырнула, вынырнула с визгом, крестится. Старушки благословляют друг друга. Никто на неё не смотрит. Все заняты своим.

И тогда Анна нырнула.

Вода обхватила её целиком – ледяная, безжалостная. Звук исчез. Мир стал тёмным и плотным. Она не дышала. Просто была – внутри этой чёрноты.

А потом – вынырнула.

И в этот миг между выдохом под водой и вдохом над ней – случилось.

Она не была ни в воде, ни в воздухе. Не в теле, не вне тела. Была *между*. Как будто время разорвалось на нити, и она повисла на одной из них – тонкой, звонкой. Боль исчезла. Ожидание исчезло. Даже имя – Анна – отпало, как старая кожа.

Было только: *да*.

Не радость. Не покой. Просто – *да*. Как ответ на вопрос, который она никогда не задавала.

Потом – вдох. Холодный воздух в лёгких. Визг Елены. Капли на лице. Она стояла в воде и не понимала: что было? Секунда? Минута? Она ныряла один раз – только один. Больше не смогла. Не потому, что холодно. Потому что *там* уже ничего не было. То мгновение не повторяется.

Она вышла из купели дрожащей. Завернулась в полотенце. Села на скамейку у берега. Смотрела на воду – обычную, чёрную, с отражением неба.

– Ну как? – спросила Елена, растирая волосы. – Загадала?

Анна кивнула. Не сказала, что загадала. Потому что не загадывала ничего. Просто *была*.

– Помогло? – спросила Елена через час, в автобусе.

– Не знаю, – честно ответила Анна.

И это была правда. Она не знала. Но в груди, там, где три года жила пустота, теперь лежало что-то маленькое и тёплое. Не надежда. Не вера. Просто – отзвук. Как эхо после удара колокола: колокол уже молчит, а звук ещё висит в воздухе.

Через два месяца она вернулась в Дивеево – одна. Снова окунулась, уже трижды, в той же самой белой сорочке. Она ждала того мгновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.